

Максимилиан Волошин
СКАЗАНИЕ ОБ ИНОКЕ ЕПИФАНИИ

1

Родился я в деревне. Как скончались
Отец и мать, ушел взыскати
Пути спасения в обитель к преподобным
Зосиме и Саватию. Там иноческий образ
Сподобился приять. И попустил Господь
На стол на патриарший наскочити
В те поры Никону. А Никон окаянный
Арсена-жидовина
В печатный двор печатать посадил.
Тот грек и жидовин в трех землях трижды
Отрекся от Христа для мудрости бесовской
И зачал плéвелы в церковны книги сеять.
Тут плач и стон в обители пошел:
Увы и горе! Пала наша вера.
В печали и тоске, с благословенья
Отца духовного, взяв книги и иная,
Потребная в молитвах, аз изыдох
В пустыню дальнюю, на остров на Виданьской —
От озера Онеги двенадцать верст.
Построил келейку безмолвья ради
И жил, молясь, питаюсь рукодельем.
О, ты моя прекрасная пустыня!

Раз, надобен от кельи отлучиться,
Я образ Богоматери с Младенцем —
Вольяшный — медный — поставил ко стене:
— «Ну, свет-Христос и Богородица, храните
И образ свой и нашу с вами келью».
Пришел на третий день и издали увидел
Келёйку малую, как головню дымящу.
И зачал зря вопить: «Почто презрела
Мое моление? Приказу не послушала? Келейку
Мою и твоя не сохранила?» Идох
До кельи обгорелой, ан кругом
Сенишко погорело вместе с кровлей,
А в кельи чисто: огонь не смел войти.
И образ на стене стоит-сияет.

В лесу окрест живуще бесы люты.
И стали в келью приходить ночами.
Страшат и давят: сердце замирает,
Власы встают, дрожат и плоть и кости.
О полночи пришли однажды двое:
Один был наг, другой одет в кафтане.
И, взяв скамью — на ней же почиваю —

Нача меня качати как младенца.
Я ж, осерчав, восстал с одра и беса
Взял поперек, и бить учал
Бесищем тем, о лавку, вопиюще:
— «Небесная Царица, помоги мне!»
А бес другой к земле прилип от страха,
Не может ног от пола оторвать.
И сам не вем, как бес в руках изгинул.
Возбнухся ото сна — зело устал, — а руки
Мокром мокры от скверного мяса.
В другой же раз, уснуть я не успел, —
Сенные двери пылко растворились,
И в келью бес вскочил, что лютый тать:
Согнул меня и сжал так крепко, туго,
Что пикнуть мне не можно, ни дохнуть.
Уж еле-еле пискнул: «Помози ми!»
И сгинул бес, а я же со слезами
Глаголю к образу: «Владычица, почто
Не бережешь меня? Ведь в мале-мале
Злодей не погубил». Тут сон нашел
С печали той великия и вижу,
Что Богородица из образа склонилась;
Руками беса мучает, измяла
Злодея моего и в руки мне дала.
Я с радости учал его крушить и мять,
Как ветошь драную, и выкинул в окошко.
«Измучил ты меня, злодей, и сам пропал».
По долгой по молитве взглянул в окно: светает,
Лежит бесище, как мокрое тряпье,
По мале дрогнул и ногу подтянул,
А после руку.
И паки ожил. Встал, как будто пьян.
И говорит: «Ужо к тебе не буду,—
Пойду на Вытегру». А я ему: «Не смей
Ходить на Вытегру,— там волость людна.
Иди где нет людей». А он, как сонный,
От келейки по просеке пошел.
Увидел хитрый дьявол, что не может
Ни сжечь меня, ни силой побороть,
Так насади мне в келию червей,
Рекомых мравии. Начаша мураши
Мне тайны уды ясть, и ничего иного,
Ни рук, ни ног, а токмо тайны уды.
И горько мне и больно — инда плачу.
Аз стал их, грешный, варом обливать,
Рукой ловить, топтать ногой, они же
Под стены подползают. Окопал я
Всю келийку и камнем затолок.
Они сквозь камни лезут. Из-под печи
Кошницею в реке топить носил.
Мешок на уды шил: не помогло — кусают.

Ни рукоделья делать, ни обедать,
Ни правил править. Бесей той напасти
Три было месяца. На последях
Обедать сел, закутав уды крепко.
Они ж, не вем как,— все-таки кусают.
Не до обеда стало: слезы потекли.
Пречистую тревожить все стеснялся,
А тут взмолился к образу: «Спаси,
Владычица, от бесей сей напасти!»
И вот с того же часа
Мне уды грызть не стали мураши.
Колико немощна вся сила человека!
Худого мравия не может одолеть,
Не только дьявола без Божьей благодати.

2

Пока в пустыне с б́сами боролся,
Иной великой дьявол Церковь мучал
И праведную веру истреблял,
Как мурашей святые гнезда шпарил,
Да и до нас дошел.
Отец Илья, игумен Соловецкий,
Велел писать мне книги в обличенье
Антихриста, в спасение царя.
Никонианцы, взяв меня в пустыне,
В темнице утомили, а потом
Пред всем народом пустозерским руку
На площади мне с́кли. Внидох паки
В темницу лютую и начал умирать.
Весь был в поту, и внутренность горела.
На лавку лег и руку свесил — думал
Души исхода лучше часа нет.
Темница стала мокрая, а смерть нейдет.
Десятник Симеон засушины отмыл
И серою еловой помазал рану.
И снова маялся я днями на соломе.
На день седьмой на лавку вполз и руку
Отс́чену на сердце положил.
И чую: Богородица мне руку
Перстами осязает. Я ее хотел
За руку удержать, а пальцев нету.
Очнулся, а рука платком повязана.
Ощупал левой с́ченую руку:
И пальцев нет, и боли нет. А в сердце радость.
Был на Москве в подворьи у Николы
Угрешского. И прискочи тут скоро
Стрелецкий голова Бухвостов — лют разбойник.
И поволок на плаху на Болото.
Язык урезал мне и прочь помчал.
В телеге душу мало не вытряс мне,

Столь боль была люта!..
О, горе дней тех! Из моей пустыни
Пошел царя спасать, а языка не стало.
Что нужного, и то мне молвить нечем.
Вздыхнул я к Господу из глубины души:
«О скорого услышанья Христова!»
С того язык от корня и пополз
И до зубов дошел и стал глаголить ясно.

Сvezли меня в темницу в Пустозерье.
По двух годех пришел ко мне мучитель
Елагин — полуголова стрелецкой,
Чтоб нудить нас отречься веры старой.
И непослушливым велел он паки
Языки резать, руки отрубать.
Пришел ко мне палач с ножом, с клещами,
Гортань мне отворять, а я вздохнул
Из сердца умиленно: «Помоги мне!»
И в мале ощутил, как бы сквозь сон,
Как мне палач язык под корень резал
И руку правую на плахе отсекал.
(Как первой резали — что лютый змий кусал.)
До Вологды шла кровь проходом задним.
Теперь в тюрьме три дня я умирал.
Пять дней сочилась кровь из сеченой ладони.
Где был язык во рте — слин стало много,
И что под головой — все слинами омочено:
И ясть нельзя, понеже яди
Во рту вращати нечем.
Егда дадут мне рыбы, шей да хлеба,
Сомну в единый ком, да тако вдруг глотаю.
А по отъятии болезни от руки
Я начал правило в уме творити,
Псалмы читаю, а дойду до места:
— «Возрадуется мой язык о правде Твоя!» —
Вздыхну из глубины, — слезинка
Из глазу и покатится:
«А мне чем радоваться? Языка и нету»...
И паки: «Веселися, сердце, радуйся, язык!»
Я ж, зря на крест, реку: «Куда язык мой дели?
Нет языка в устах, и сердце плачет».
Так больше двух недель прошло, а все молюсь,
Чтоб Богородица язык мне воротила.
Возлег на одр, заснул и вижу: поле
Великое да светлое — конца нет...
Налево же на воздухе, повыше,
Лежат два языка моих:
Московской — бледноват, а пустозерской —
Зело краснешенек.
Взял на руку красной, и зрю прилежно:
Ворошится живой он на ладони,

А я дивлюсь красе и живости его.
Учал его вертеть в руках, расправил
И местом рваным к резанному месту
Идеже прежде был, его приставил, —
Он к корню и прильни, где рос с рожденья.
Возбнух я радостен: что́ хочет сие быти?
От времени того по малу-малу
Дойде язык мой паки до зубов
И полон бысть. К яденью и к молитве
По-прежнему способен, как в пустыне,
И слин нелепых на устех не стало.
И есть язык мне Богом данный — новый
Короче старого, да мало толще.
И ныне веселюсь, и славлю, и пою
Скорозаступнице, язык мне давшей новый.

3

Сказанье о кончине
Страдальца Епифания и прочих
С ним вместе пострадавших в Пустозерске:
Был инок Епифаний положен в сруб,
Обложенный соломой, щепой и берестой
И по́литый смолою.
А вместе Федор, Аввакум и Лазарь.
Когда костер зажгли, в огне запели дружно:
«Владычица, рабов своих прими!»
С гудением великим огонь, как столб,
Поднялся в воздухе, и видели стрельцы
И люди пустозерские, как инок Епифаний
Поднялся в пламени Божественною силой
Вверх к небесам и стал невидим глазу.
Тела и ризы прочих не сгорели.
А Епифания останков не нашли.

16 февраля 1929 г.

Коктебель

Текст приводится по публикации: Робинсон А.Н. Неизданная поэма М.А. Волошина о Епифании. // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — Т. XVII. С.512-519.